

«Справимся!»

В 1628 году в Великомученицком монастыре, что у берега Онежского озера, некий дьяк Порфирий по изъявлению архиепископа Константина составлял перепись имеющихся книг. Настроение у дьяка Порфирия было отвратительное: как раз сегодня должна была прийти Малаша и принести брусничной браги, а он оказывался занят. У дьяка Порфирия текли слюнки при мысли о знатном лакомстве и о Малаше — младшей дочери Гришки Заборольного. Тот хоть и был юродивый, а дочки выросли на загляденье.

Дьяк Порфирий повздыхал-повздыхал и достал из кованого сундука целый ворох грамот. Писаны они были на телячьей коже. Он стал их вносить в список. Разворачивал, по складам читал заголовки, причмокивая слюнявым ртом, всякий раз задумывался на пару мгновений и только после вносил корявой скорописью в список. Одна из рукописей его насторожила, лишь пальцы коснулись её. На пергамент она похожа не была, отчего-то по краям слоилась, будто несколько кож кто-то склеил. Дьяк Порфирий пригляделся — так оно и было. Он поскрёб толстым

жёлтым ногтём, понюхал, лизнул и пришёл к выводу, что клеили на смолу. Он развернул грамоту и прочитал: «Яз поядеах людие». Вздрогнул.

«Что это?» — подумал он и решил прочитать странную грамоту.

Дверь скрипнула ржавыми петлями, и вошёл настоятель отец Артемий. Был он толст, но выражение лица имел всегда самое постное. Все знали: разговляться отец Артемий любил.

— Это писано не от Бога, — с дрожью в голосе сказал дьяк Порфирий и протянул грамоту.

Отец Артемий глянул на ту одним глазком и поморщился:

— Знаю. Это писано от человека. На исходе двенадцатого века он водил людей на Лысую гору. Он устраивал блуд, заставлял поклоняться идолам. Много христианской крови там пролилось. Потом Бог обрушил огонь и серу, и гора ушла под землю.

— Это правильно... случилось, — заметил дьяк Порфирий, качнув головой. — Бесовским пляскам не место на Руси. Но что это за грамота?

— Он описал свои дела. Говорят, всего три листа. Каждому ученику — по листу. Тех поганцев тоже трое было. Двое скрылись, а последнего сожгли, и в пепле нашли этот лист.

— Он не сгорел?

— Грамота не горела в огне, не тонула в воде, не рвалась на куски, не оставалась в земле и всегда тянулась к людям. Она ищет того, кто мог бы стать новым учеником... Было решено хранить её здесь.

Дьяк Порфирий не поверил. Отец Артемий добавил:

— А ты почитай, а потом огоньком можешь...

Дьяк Порфирий стал читать. И чем больше он читал, тем ему становилось всё невыносимей, удушливей, жарче. Перед его очесами вставали страшные картины: невиданный блуд, кровавый алтарь, зловещий Перун, смотрящий на язычников и радостно принимающий жертвы, люди, едящие стариков и младенцев, беременные женщины, которым выкалывали чрева...

Дьяк Порфирий с отвращением выпустил грамоту из рук. Он понял, что писано сие на человеческой коже.

Отец Артемий поднял лист с пола и поднёс пламя свечи. Огонь лизал грамоту, но та не загоралась. Отец Артемий убрал свечу:

— Поверил?

Дьяк Порфирий молчал.

— Забудь о бесах прошлых, — сказал отец Артемий. — Я не просто так зашёл. Тебе надо ехать в город.

— Зачем? А перепись?

— Грамоты подождут, а спасение души нет. Ты дружен с Никиткой. Уговори его. А то у Фёдора нашего лихорадка сильнющая.

Дьяк Порфирий встал:

— Это можно. А что Никитке сказать?

— Поймали мы колдуна одного. Вечером осудим. Не видит он пути истинного. Глаза его обманывают. Надо выколоть. Фёдор мастак, да вот беда — жарит его лихорадка. Бредит, святая душа. Так что поезжай, а я за Фёдора молиться буду.

Они спустились во двор. Дьяк Порфирий залез на телегу, поудобнее устроился на соломе. Отец Артемий сказал: «Ну, с Богом!» — перекрестил и отправился к трапезной, проверять яства на пригодность в пищу. Пахло свежим ржаным хлебом. Дьяк Порфирий облизнулся и сказал: «Трогай!»

Мужик крикнул: «Пошла!»

Завизжали колёса, затрещали оглобли — лошадь потащила телегу. Они выехали за монастырские ворота, и дьяк Порфирий лёг. Телега тряслась, навевая дремоту. С Онежского озера дул тёплый ветер. День стоял солнечный. Дьяк Порфирий заулыбался, вспоминая несгораемую грамоту. «Силён диавол, но справимся, справимся», — подумал он и присел. Навстречу телеге шла девушка. Когда поравнялись, сказал:

— Останови!

Малаша забралась на телегу, и они снова поехали.

— Здравствуй, Малаша, — сказал дьяк Порфирий, забирая у неё крынку. — Брусника? — спросил и, сделав несколько глотков, замочил бороду. — Хороша бражка! Умелица ты.

Малаша, улыбаясь, потупила глаза. Дьяк Порфирий не спеша допил, убрал крынку в сторону, взворошил солому.

— Езжай, не оглядываясь! Как тебя там?.. Холоп, — сказал он и уложил Малашу. Потом задрал её суконное платье и, накидав сверху на себя соломы, предался блуду.

В 1928 году в так называемом Великомученицком монастыре, что у берега Онежского озера, молодой красноармеец Сивухин проводил ревизию. Он достал из старинного кованого сундука какие-то церковные клеёнки, свёрнутые в трубочки.

Красноармеец Сивухин был очень любопытен. Он даже умел читать. Он развернул одну клеёнку и увидел забавные буквы. Но, как ни старался, прочесть не мог. То ли почерк корявый, то ли не по-русски написано. Насупившись от обиды, он побросал бумаги в жестяное ведро и поджёг.

Сивухин заулыбался, вспоминая то множество церковных книг, которое он сжёг. «Силён бог, но справимся, справимся», — подумал он и стал греть озябшие руки над огнём.

Бумаги сгорели. Все. До одной.

Дочка замуж собралась

Регина открыла дверь своими ключами и, просунув голову в прихожую, позвала:

— Ма-ам! Ты дома?

В глубине квартиры бормотал телевизор.

Регина вошла и заперлась на ключ (внутренний замок не работал, в том смысле, что был давным-давно вырезан). Большой пакет больно оттягивал левую руку.

— Ма-ам! — Регина, не разувшись, пошла по тёмному коридору осторожными шагами, то и дело натыкаясь на разбросанные тапки и пакеты. — Я пива принесла!

Пахло жареным тестом и растительным маслом.

— Ма-ам! — Регина принюхалась. — Лепёшки пекла?

Дверь в большую комнату медленно со скрипом приоткрылась, и показалась огромная голова кота.

— Базилио, — Регина улыбнулась, — что не встречаешь, паршивец?

Голова кота нырнула обратно.

Регина заглянула в комнату и, удостоверившись, что мать одна и просто лежит на диване, вошла:

— Ма-ам, чё молчишь?

Судя по звукам по тэвэ показывали очередной детективный сериал: кто-то кричал «кийя-а!» под энергичную тревожную музыку, и раздавались гулкие хлопki выстрелов.

Мария Леонидовна приподнялась на локте и улыбнулась дочери:

— Реги-инка, давно пришла?

— Здравствуй, вот решила забежать на минутку. Пива принесла, — Регина поставила объёмный пакет на кресло.

Мария Леонидовна встала, подошла к телевизору и убавила громкость на панели. Телевизор был старый и пыльный, батарейки в пульте сели, да и сам пульт за безнадобностью пропал: канул в поддиванную Лету, затерявшись среди мусора.

На худенькой Марии Леонидовне мешковато висел помятый, но недавно стиранный сарафан. На ногах отчётливо проступали синие набухшие вены. Лицо было усталым, без признаков косметики, в сетке мимических морщин, возникающих от прищура и улыбки. На руках расцветал алый глянец мозолей и аллергических наростов, коротко состриженные ногти расслаивались.

— Чай будешь? Там я оладушков пожарила. Только сахара нет...

— Смотри, чего тебе принесла, — сказала, не слушая, Регина и полезла в пакет. — Вот тебе маечка белая. Вот колготки. Не Китай, сама такие ношу.

— Да зачем же... У меня есть. Регин, ни к чему это...

— Лишним не будет, — отрезала Регина. — Тут вот пиво. — Достала трёхлитровую пластиковую бутылку. — Тут сыр... чуток колбаски, как ты любишь, «К завтраку». Батон, паштетик. Рожек килограмм.

Продукты складировались на и без того захламлённый стол: там покоились потрёпанные книги, целлофан, кулёчки, таблетки, рваные бумажки, чайные кружки. Базилио подал голос и потёрся о Регинину ногу.

Мария Леонидовна всплеснула руками:

— Куда столько?! Регин...

Регина сложила пакет и убрала в карман.

— Ма-ам, я пока донесла, устала, к тебе пока на третий этаж поднимешься... Порежь, мам, я кружки помою.

Регина взяла две грязные кружки со стола и пошла на кухню. Мария Леонидовна последовала за ней.

— Как вы? — тихо спросила Мария Леонидовна.

— Нормально. Путёвки в Тайланд взяли на послесвадьбы. У Артёма друг в турфирме работает, посоветовал.

— Понятно, — выдохнула Мария Леонидовна, — хоть за границей побываешь.

Она взяла нож и разделочную доску и пошла обратно в комнату.

Нельзя сказать, что на кухне царил полный хаос, но она была изрядно захламлена. В раковине стояла немытая посуда, на конфорке — чёрная сковорода с оладушками, из-под потолка свисала тенёта, стены были забрызганы масляными застывшими каплями, ведро источало сладковатый запах, а на столе группировались жёлтые от времени пластмассовые контейнеры для круп, муки, сахара и приправ. Советский холодильник громко тарахтел. Под столом лежали пустые бутылки из-под водки и пива.

Регина включила воду, помыла кружки и попыталась отскрести жирной губкой одну из тарелок с остатками присохшей ячневой каши, но тщетно, она бросила эту идею — никакого моющего средства в квартире не было, Регина это знала.

Когда она вошла в комнату, Мария Леонидовна давила ножом колбасу: тот никогда не встречал точильного камня, а потому наотрез отказывался резать. Регина налила две кружки пива и, захватив одну, присела в кресло.

— У тебя-то как? — спросила, прихлебнув.

Мария Леонидовна положила рваные кусочки колбасы, давленные ломти батона и крошащиеся пластики сыра в хлебницу, выкатила в центр комнаты журнальный столик, поставила на него приготовленную закуску, вскрыла упаковку с паштетом, принесла из кухни баночку искусственной икры, припасённую для особенного случая, наконец взяла кружку, глотнула.

— Всё по-старому: с Никиткой соседским сажу, ну ничего, скоро со своим внуком повожусь! Тока ты не затягивай после свадьбы...

— Ма-ма! — закатила глаза Регина. — Скока можна-а!

— Вот носков навязала, — как ни в чём ни бывало продолжала Мария Леонидовна, вытянув из-под дивана плоскую корзинку с вязаньем, спицами и клубками. — Катька сёдня вечером обещалась зайти и забрать. Две тыщи заплатит. Эти вот с собачьей шерсти, пять пар получилось...

— Мам, она ж их продаёт две тыщи за пару...

— И что? Мне зато не стоять на улице. Вот заказ на кофточку Нина дала. Через недельку шерсть принесёт.

В юности Мария Леонидовна была красавицей. Отец Регины был счастлив, что отхватил такую невесту. Он увёз Марию Леонидовну на другой конец необъятной страны, которая через год после их свадьбы перестала существовать. Родня мужа не приняла её, а собственная оказалась в недосыгаемости. После внезапной смерти мужа она оказалась одна в чужом городе с ребёнком на руках. Поддерживали её только новообретённые подруги. После тяжёлой болезни она оказалась инвалидом, на высокооплачиваемую стабильную работу её больше не принимали, стала выпивать, но дочь вырастила, устроила в вуз, в общем, поставила на ноги. Уже на первом курсе Регина переехала к жениху.

Мать и дочь беседовали полчаса, пока всё не было выпито и съедено. Наконец Регина встала.

— Мам, ты не приходи на свадьбу. Мы скажем, что ты болеешь. Ладно?

Мария Леонидовна молча кивнула. Луч солнца на лице высветил новую морщинку.

— А то напьёшься там... Мне пора. Я перед отлётом ещё зайду. Да, вот, — на журнальный столик легла пятисотрублёвая бумажка.

— Регин, у меня пенсия на днях, не надо. Да и Катька...

— Мама, лишними не будут. Я сама закрою.

Дочь ушла. В подъезде она достала телефон и позвонила:

— Тёмочка, мамы не будет, я поговорила... УЗИ?.. Ну, не точно, вроде как девочка, но там только пятьдесят процентов... Шампусика взять?.. Ага... Целую, котик.